

Эрнест Хемингуэй

За рекой, в тени деревьев

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Х37

X37   **Хемингуэй Э.**
За рекой, в тени деревьев / Эрнест Хемингуэй – М.: Книга по Требованию,
2012. – 164 с.

ISBN 978-5-4241-1456-4

Изыщный и печальный роман «За рекой, в тени деревьев» со множеством автобиографических мотивов по праву считается одним из лучших образцов прозы Хемингуэя.

ISBN 978-5-4241-1456-4

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2012

Э. ХЕМИНГУЕЙ

За рекой, в тени деревьев.

ГЛАВА 1

Они выехали за два часа до рассвета, и сначала им не пришлось взламывать лед на канале, потому что впереди шли другие лодки. На каждой лодке стоял гребец с длинным кормовым веслом, в темноте их не было видно, и только слышался плеск воды. Охотник сидел на складном стуле, укрепленном на крышке ящика, где лежали еда и патроны, а ружья – два или даже больше – были прислонены к груде деревянных чучел. В каждой лодке был мешок с парой подсадных уток или уткой и селезнем; в каждой лодке сидела собака, собаки дрожали и метались, слыша над головой шум крыльев пролетающих во тьме уток.

Четыре лодки пошли вверх, на север, по главному каналу, к большой лагуне. Пятая свернула в боковой канал. А вот теперь и шестая лодка повернула к югу, в неглубокую лагуну, затянутую льдом.

Лед был сплошной; воду схватило в эту безветренную ночь, когда вдруг ударил мороз; упругий покров только гнулся под ударами кормового весла. Потом он лопался с треском, как оконное стекло, но лодка почти не двигалась.

– Дайте-ка весло, – сказал охотник в шестой лодке. Он встал и, сохранив равновесие, расставил ноги. Ему было слышно, как в темноте пролетают утки, а в лодке шарахается с места на место собака. С севера доносился треск льда, который ломали другие лодки.

– Осторожно, – предупредил лодочник с кормы. – Не переверните лодку.

– Я не новичок, – сказал охотник.

Он взял у лодочника длинное весло и проткнул лед.

Почувствовав твердое дно, он уперся грудью в широкую лопасть весла и, держа его обеими руками, оттолкнул лодку так, что весло очутилось уже возле кормы, а лодка двинулась вперед, ломая ледяную корку. Когда лодка врезалась в лед, а потом садилась на него днищем, лед раскалывался, как зеркальное стекло, и гребец на корме вел ее дальше по чистой воде.

Немного погодя охотник – он мерно, напряженно работал веслом и вспотел в теплой одежде – спросил лодочника:

– А где же наша бочка?

– Там, левее. В заливе, рядом,

– Может, мне пора сворачивать?

– Воля ваша.

– Что значит «воля ваша»? Вы ведь знаете, какая здесь глубина. Хватит тут воды, чтобы прошла лодка?

– Кто его знает! Вода спала.

– Пока мы будем канителиться, совсем рассветет.

Лодочник молчал.

"Ах ты черт собачий, – подумал охотник. – Ничего, доедем.

Мы уже проплыли две трети пути, а если тебе неохота разбивать лед, чтобы я мог пострелять уток, это просто подло с твоей стороны!" – А ну-ка поднатужься, хлюст ты этакий! – сказал он по-английски.

– Что? – спросил по-итальянски лодочник.

– Я говорю, что надо двигаться. Скоро рассветет.

Но уже светало, когда они наконец доплыли до большой дубовой бочки,

врытой в дно лагуны. Бочку окружала покатая земляная насыпь, которую засадили камышом и осокой; охотник потихоньку ступил на нее и почувствовал, как мерзлые стебли ломаются у него под ногами. Лодочник вытащил из лодки складной стул с ящиком для патронов и передал охотнику; тот наклонился и поставил его на дно бочки.

На охотнике были высокие болотные сапоги и старая походная куртка с нашивкой на левом плече — никто не понимал, что это за нашивка, — и светлыми пятнышками на погонах, где раньше был звездочки; он спустился в бочку, и лодочник подал ему оба ружья.

Прислонив ружья к стенке бочки, он повесил между ними, на вбитых специально для этого крючьях, второй патронаш, а затем поудобнее расставил ружья по обе стороны патронаша.

— Вода есть? — спросил он у лодочника.

— Нет, — ответил тот.

— А воду из лагуны пить можно?

— Нет. От нее болеют.

Охотник устал, разбивая лед, ему хотелось пить, он чувствовал, что начинает злиться, но сдерживался.

— Хотите, я помогу разбивать лед и ставить чучела?

— Не надо, — ответил лодочник и с осторожностью толкнул лодку на тонкий лед, который под ее тяжестью треснул и раскололся. Лодочник стал колотить по льду веслом, а потом швырять деревянные чучела во все стороны.

«Что это он ярится? — думал охотник. — Ведь он здоров, как бык. Я выбивался из сил по дороге сюда, а он едва-едва нажимал на весло. Какая муха его укусила? Это же его работа!»

Он приладил складной стул так, чтобы можно было свободно поворачиваться направо и налево, распечатал коробку с патронами и набил ими карманы, потом распечатал еще одну коробку, но оставил ее наготове в патронаше. Перед ним в утреннем свете поблескивала стеклянная поверхность лагуны, а на ней виднелась черная лодка, крупное, могучее тело лодочника, разбивающего лед и швыряющего за борт чучела, словно он хотел избавиться от чего-то непотребного.

Рассвело, и охотник увидел низкие очертания ближней косы по ту сторону лагуны. Он знал, что за этой косой стоят еще две бочки, дальше опять идут болота, а за ними — открытое море. Он зарядил оба ружья и прикинулся в уме расстояние до лодки, которая расставляла чучела.

Позади он услышал приближающийся шелест крыльев, присел, выглядывая из-за края бочки, взял правой рукой ружье справа от себя, потом встал, чтобы выстрелить по двум уткам, которые косо падали на чучела, притормаживая крыльями, по двум черным уткам на фоне серого, тусклого неба.

Втянув голову в плечи, он широко занес ружье, вскинул ствол, целясь туда, куда летела утка, а потом, не глядя, попал он или нет, плавно поднял ружье, целясь выше и левее того места, куда летела другая утка, и, нажав курок, увидел, как, сложив на лету крылья, она упала среди чучел и осколков льда. Поглядев направо, он заметил и первую утку — черное пятно там же, на льду. Он знал, что правильно выстрелил и в первую утку, взяв многое правее лодки, да и во вторую тоже, высоко подняв ствол и отведя его влево, давая утке уйти повыше и левее, чтобы

лодка не попала под огонь. Это был отличный дуплет – аккуратный и точный, с должной заботой о безопасности лодки, и, перезаряжая ружье, он был очень доволен собой.

– Эй, послушайте, – крикнул ему лодочник. – А ну-ка не стреляйте по лодке!

«Ах, будь я трижды проклят! – сказал себе охотник. – Отныне и во веки веков!» – Бросайте свои чучела! – крикнул он лодочнику. – И побыстрее! Я не буду стрелять, пока вы не кончите; разве что прямо вверх!

Лодочник ответил что-то невнятное.

«Чепуха! – сказал себе охотник. – Он ведь это дело знает. И знает, что по дороге сюда я работал не меньше его. В жизни не стрелял аккуратнее и точнее. Чего же он взъелся? Я ведь предлагал ему вместе ставить чучела. Да ну его ко всем чертям!»

Справа лодочник все еще злобно колотил по льду и расшивывал чучела уток, и каждое его движение было полно ненависти.

«Нет, я не дам тебе испакостить мне утро, – подумал охотник. – Если солнце не растопит лед, много тут не настrelяешь. Несколько штук – и все, так что я не дам тебе изгадить мне охоту! Кто его знает, сколько раз еще мне придется стрелять уток, – я не позволю, чтобы мне испортили эту охоту!»

Он смотрел, как за длинной болотной косой светлеет небо, а потом, повернувшись в бочке, поглядел на замерзшую лагуну, на болота и на снежные горы вдали. Он сидел так низко, что предгорий не было видно, вершины отвесно поднимались над плоской равниной. Глядя на горы, он чувствовал, как в лицо ему тянет ветерком, и понял, что с восходом солнца задует ветер, потревожит птиц и они непременно прилетят сюда с моря.

Лодочник кончил расставлять чучела. Они плавали на воде двумя стайками: перед бочкой, чуть-чуть левее ее, в той стороне, откуда встанет солнце, и справа от охотника. Кот он выбросил за борт и подсадную утку вместе с привязью и грузилом, и живой манок стал окунать голову в лагуну – высывал, снова погружал и расплескивал у себя по спине воду.

– А не расколоть ли еще немножко льда по краям? – крикнул охотник лодочнику. – Слишком мало чистой поды – они не сядут.

Лодочник ничего не ответил, но стал колотить веслом по рваной кромке льда. Ломать лед было ни к чему, и лодочник это знал. Но охотник этого не знал и думал:

«Непонятно, что с ним происходит. Я не дам ему испортить мне охоту. Не желаю, чтобы ей что-нибудь мешало, и ему не дам! Каждый выстрел теперь, может быть, мой последний выстрел, и я не позволю какому-то сукину сыну портить мне охоту! Спокойно, мальчик, только не злись», – говорил он себе.

ГЛАВА 2

Но он уже не мальчик. Ему пятьдесят, и он полковник пехотных войск армии Соединенных Штатов. И для того, чтобы пройти медицинский осмотр за день до поездки в Венецию на охоту, он проглотил столько нитроглицерина, сколько было нужно для того, чтобы... он и сам толком не знал, для чего: для того, чтобы пройти этот осмотр, уверял он себя.

Врач выслушивал его с явным недоверием. Но, дважды измерив давление, все же занес цифры в карточку.

— Понимаешь, какое дело, Дик, — сказал он. — Тебе это не рекомендуется; больше того, при повышенном внутриглазном и внутричерепном давлении это противопоказано!

— Не понимаю, — сказал охотник, который только собирался стать охотником и пока что был полковником пехотных войск армии Соединенных Штатов, а раньше занимал генеральскую должность.

— Я ведь не первый день вас знаю, полковник. А может, мне только кажется, что я вас знаю давно?

— Нет, тебе это не кажется, — сказал полковник.

— Что-то мы оба будто романс запели, — сказал врач. — Только смотри не стукнись обо что-нибудь твердое и следи, чтобы в тебя не попала искра, раз ты так набит нитроглицерином! Хорошо бы на тебя навесить предохранительный знак, как на цистерну с горючим.

— А кардиограмма у меня в порядке? — спросил полковник.

— Кардиограмма у вас, полковник, замечательная! Не хуже, чем у двадцатипятилетнего. Да такой кардиограмме позавидуешь и в девятнадцать лет!

— Тогда чего же тебе надо? — спросил полковник.

Когда наглотаешься нитроглицерина, иногда немного подташнивает; ему хотелось, чтобы осмотр поскорее кончился. Ему хотелось поскорее лечь и принять суду. «Эх, я мог бы написать руководство по тактике обороны для взвода с высоким давлением, — подумал он. — Жаль, что нельзя ему этого сказать. А почему бы, в сущности, не сознаться и не попросить у суда снисхождения? Не сможешь, — сказал он себе. — Так до конца и будешь твердить, что невинован».

— Сколько раз ты был ранен в голову? — спросил врач.

— Ты же знаешь, ответил полковник. — В формуляре сказано.

— А сколько раз тебе попадало по голове?

— О, господи! — Потом он спросил: — Ты спрашиваешь официально или как мой личный врач?

— Как твой личный врач. А ты думал, что я хочу подложить тебе свинью?

— Нет, Вес, не думал. Прости меня, пожалуйста. Что ты спросил?

— Сколько у тебя было контузий?

— Серьезных?

— Когда ты терял сознание или ничего не мог вспомнить.

— Штук десять, — сказал полковник. — Считая и падение с лошади. А легких три.

— Ах ты старый хрен, — сказал врач. — Вы уж меня извините, господин полковник!

— Ну как, можно идти? — спросил полковник.

- Да, господин полковник, — сказал врач. — У вас все в порядке.
- Спасибо. Хочешь, поедем со мной, постреляем уток на болотах в устье Тальяменто? Чудная охота. Там имение одних славных итальянских парнишек: я с ними познакомился в Кортине.
- А болота — это где водятся кулики?
- Нет, в тех местах охотятся на настоящих уток. Парнишки очень славные. И охота чудная. Настоящие утки. Гоголи, шилохвостки, чирки. Даже гуси попадаются. Не хуже, чем у нас дома, когда мы были ребятами.
- Ну, я-то был ребенком в тридцатом году.
- Вот это подлость! Не ожидал от тебя.
- Да я совсем не то хотел сказать. Я просто не помню, чтобы у нас хорошо было охотиться на уток. К тому же я рос в городе.
- Тем хуже! Всем вам, городским мальчишкам, грош цена!
- Вы это серьезно, полковник?
- Конечно, нет. Какого черта ты спрашиваешь?
- Со здоровьем у вас все в порядке, полковник, — повторил врач. — Жалко, что я не могу с тобой поехать. Но я и стрелять не умею.
- Ну и черт с ним, — сказал полковник. — Какая разница? У нас в армии никто не умеет стрелять. Мне очень хотелось, чтобы ты со мной поехал.
- Я вам дам еще одно лекарство, вдобавок к тому, что вы принимаете.
- А разве есть такое лекарство?
- По правде говоря, нет. Хотя они там что-то придумывают.
- Ну и пусть придумывают, — сказал полковник.
- Весьма похвальная жизненная позиция, господин полковник.
- Иди к черту. Так ты не хочешь со мной ехать?
- С меня хватит уток в ресторане «Лоншан» на Медисонавеню, — сказал врач. — Летом там кондиционированный воздух, а зимой тепло. Не надо вставать чуть свет и напрягать на себя теплые кальсоны.
- Ладно, городской пижон. Что ты понимаешь в жизни?
- И никогда не хотел понимать, — сказал врач. — А со здоровьем у вас все в порядке, господин полковник.
- Спасибо, — сказал полковник и вышел.

ГЛАВА 3

Это было позавчера. А вчера он выехал из Триеста в Венецию по старой дороге, которая шла от Монфальконе до Латизаны и потом прямо по равнине. Шофер у него был хороший, и он спокойно привалился к спинке переднего сиденья, поглядывая на места, которые знал еще мальчишкой.

«Сейчас они выглядят совсем иначе, — думал он. — Наверное, потому, что расстояния кажутся другими. Когда стареешь, все как будто становится меньше. Да и дороги теперь получше, и пыли такой нету. Когда-то я проезжал здесь на грузовике. Но чаще мы ходили пешком. Все, о чем я тогда мечтал, — это найти хоть полоску тени для привала и колодец на крестьянском дворе. И, конечно, — канаву. Ну до чего же меня в те времена привлекали канавы!»

Они свернули и по временному мосту переехали через Тальяменто. Берега зеленели, а на той стороне, где было поглубже, какие-то люди удили рыбу. Взорванный мост восстанавливали, гулко стучали клепальные молотки, а в восьмистах ярдах от моста стояли разрушенный дом и службы; по развалинам усадьбы, когда-то построенной Лонгеной, было видно, где сбросили свой груз средние бомбардировщики.

— Нет, вы подумайте, — сказал шофер. — У них что ни мост, что ни станция — кругом на целые полмили одни развалины.

— Отсюда мораль, — сказал полковник, — не строй себе дом или церковь и не нанимай Джотто писать фрески, если твоя церковь стоит в полукилометре от моста.

— Я так и знал, господин полковник, что тут должна быть своя мораль, — сказал шофер.

Они миновали разрушенную виллу и выехали на прямую дорогу; в кюветах, обсаженных ивами, еще стояла темная вода, а на полях росли шелковицы. Впереди ехал велосипедист и читал газету, держа ее обеими руками.

— Если летают тяжелые бомбардировщики — другая мораль: отступи на целую милю, — сказал шофер. — Правильно, господин полковник?

— А если управляемые снаряды, то не на одну, а на двести пятьдесят миль. Ну-ка, погудите велосипедисту!

Шофер погудел, и тот съехал на обочину, так и не взглянув на них и не притронувшись к рулю. Когда они проезжали мимо, полковник высунулся, чтобы поглядеть, какую он читает газету, но заголовка не было видно.

— По-моему, теперь вообще не стоит строить себе красивых домов или церквей и нанимать этого, как его — как вы его называли? — писать фрески.

— Джотто. Но это мог быть и Пьетро делла Франческа и Мантеня. И даже Микеланджело.

— Вы, видно, здорово знаете всех этих художников?

Теперь они ехали по прямому отрезку дороги и, стараясь наверстать время, гнали так, что один крестьянский дом словно наплывал на следующий; они почти сливались друг с другом, и видно было лишь то, что находилось далеко впереди и двигалось навстречу. За боковым стеклом тянулся безликий плоский пейзаж зимней равнины. «Я, пожалуй, не так уж люблю быструю езду, — думал полковник. — Хорош был бы Брейгель, заставь его наблюдать природу из мчащегося автомобиля!»

— Художников? — переспросил он. — Да нет, Бернхем, не так уж много я про них знаю.

— Моя фамилия Джексон, господин полковник, Бернхема послали отдохнуть в Кортину. Хорошее место, господин полковник.

— У меня, видно, память сдавать стала, — сказал полковник. — Простите, Джексон. Да, место там хорошее. Кормят недурно. Уход приличный. И никто к тебе не пристает.

— Это верно, господин полковник, — согласился Джексон. — Но я вас спросил о художниках из-за всех их мадонн. Я решил, что и мне надо посмотреть картины, и пошел во Флоренцию в самое большое здание, какое у них есть.

— Уффици? Питти?

— Понятия не имею, как оно называется. Но самое большое, какое там есть. Смотрел я, смотрел, пока меня от этих мадонн не замутило. Верно, тот, кто в картинах мало разбирается, только и видит что одних мадонн, и очень ему от этого муторно. Знаете, что мне кажется? Вы, верно, заметили, как все они тут помешаны на этих своих *bambini*¹, и чем меньше у них еды, тем больше *bambini*, а им все мало! Вот я и думаю, что их художники тоже были большими любителями *bambini*, как все итальянцы. Не знаю, те ли именно, кого вы назвали, и поэтому о них разговор особый, да вы меня и поправите, если я что скажу не так. Но мне лично сдается, что все эти мадонны — а я их, ей-богу, навидался досыта, — или, вернее сказать, все эти художники, которые только и знали, что рисовать мадонн... у всех у них только и были на уме что *bambini*... не знаю, поймете вы меня или нет...

— Не надо забывать, что им приходилось писать на одни только религиозные сюжеты.

— Это конечно, господин полковник. Значит, вы считаете, что взгляд мой правильный?

— Пожалуй. Только дело тут все же обстоит сложнее.

— Понятно, господин полковник. Взгляд мой на это дело еще не вполне окончательный.

— А у вас есть еще какие-нибудь взгляды насчет искусства, Джексон?

— Нет, господин полковник. Пока что я додумался только насчет *bambini*. Но чего бы мне хотелось — это чтобы они покрасивей нарисовали ту горную местность вокруг Кортини.

— Там родина Тициана, — сказал полковник. — Так, по крайней мере, считают. Я спускался в долину и видел дом, где, как говорят, он появился на свет.

— Шикарное место, господин полковник?

— Не очень.

— Ну что ж, если он рисовал картины с тех гор, — там такие скалы, ну прямо в цвет заката, сосны, кругом снег и остроконечные шпили...

— Campanile, — сказал полковник. — Такие, как там, впереди, в Чеджии. Колокольни.

— Ну что ж, если он в самом деле красиво срисовывал картины с той местности, я бы не прочь у него даже парочку купить.

— Он замечательно писал женщин, — сказал полковник.

— Вот если бы я держал кабак, или трактир, или постоялый двор, тогда мне пригодилась бы и женщина, — сказал шофер. — Но не дай бог я привезу домой

картину с женщиной – моя старуха мне покажет! Костей не соберешь.

– Вы могли бы подарить картину местному музею.

– Господи, да что там у нас в музее? Наконечники стрел, боевые уборы из перьев, ножи для снимания скальпов, разные скальпы, рыбы окаменелости, трубка мира, фотографии Пожирателя Печенки Джонстона и шкура какого-то проходимца – его сперва повесили, а потом какой-то доктор содрал с него шкуру. Картина с женщиной там уже совсем некстати.

– Видите *campanile* по ту сторону равнины? – спросил полковник. – Я вам покажу место, где мы воевали, когда я был мальчишкой.

– Вы разве и тут воевали, господин полковник?

– Да.

– А у кого в ту войну был Триест?

– У фрицев. Точнее говоря, у австрийцев.

– Но мы его все же у них забрали?

– Только потом, когда закончилась война.

– А у кого были Флоренция и Рим?

– У нас.

– Ну что ж, тогда вам плакать было не о чем.

– «Господин полковник», – мягко добавил тот.

– Простите, господин полковник, – пробормотал шофер. – Я был в Тридцать шестой дивизии, господин полковник.

– Я видел у вас нашивку.

– Я как раз вспомнил Рапидо, господин полковник, а вовсе не хотел быть нахальным или грубить начальству.

– Верю, – сказал полковник. – Вы просто вспомнили Рапидо. Но, имейте в виду, Джексон, у всякого, кто долго воевал, было свое Рапидо, и даже не одно.

– Ну, больше одного я бы не вынес, господин полковник.

Машина въехала в веселый городок Сан-Дона-ди-Пьяве. Его заново отстроили, но он от этого не стал уродливее любого городка Центрального Запада США. «Он выглядит таким процветающим, – думал полковник, – а Фоссалту чуть выше по реке – такой нищей и унылой. Неужели Фоссалта так и не опправилась после первой войны? Но я ведь не видел ее до того, как ее разбомбили, – подумал он. – Город здорово обстреливали перед большим наступлением пятнадцатого июня тысяча девятьсот восемнадцатого года. А потом и мы по нему били, перед тем как взять обратно». Он вспоминал, как началась атака – от Монастыре, через Форначе. В этот зимний день он вспоминал о том, что случилось в то лето.

Несколько недель назад он проезжал через Фоссалту и спустился к реке на то место, где его когда-то ранило. Место это нетрудно было найти – здесь была излучина; там, где когда-то стояли тяжелые пулеметы, воронка густо заросла травой. Козы или овцы выщипывали траву, и впадина стала похожа на выемку для игры в гольф. Река текла медленно, она была мутно-синяя и заросла по берегам камышом; пользуясь тем, что кругом ни души, полковник присел на корточки и, глядя в реку с того берега, где раньше нельзя было днем и головы поднять, облегчился на том самом месте, где, по его расчетам, он был тяжело ранен тридцать лет назад.

– Не бог весть какое достижение, – сказал он реке и берегу, напоенным